

Николай ИВАНОВ

ОТКРОВЕНИЕ

Николай ИВАНОВ

ОТКРОВЕНИЕ

Минск
2002

Иванов Н. В.

Откровение. Стихи / Н. Иванов. 2002. — 80 с.

Николай Владимирович Иванов родился в 1926 г. в деревне Беркино Волоколамского района Московской области. Его юность была прервана войной. После окончания школы отличных стрелков снайперской подготовки воевал в составе 1-го Белорусского фронта. Участвовал в штурме Берлина. Из 22-х наград наиболее дорогой считает орден Славы 3-ей степени. Закончил службу в звании полковника.

Н. Иванов, как видите, не ушел в отставку. Судя по стихам, вошедшим в эту книгу, душа его по-прежнему жаждет обновления, а сердце — как всегда с теми, кому нужна помощь, совет и сочувствие.

РЫБАЛКА

С рыбалки поздно возвратились —
весь день держал нас водоем.
Друзья от зависти косились:
мол, столько наловить вдвоем!

Вчера нам выпала удача,
случайно крупно повезло.
Для нас рыбалка — не задача,
мы хвастались на все село.

На зависть горе-рыболовам
потокот лились словеса...
В карман не лезли мы за словом,
свои успехи вознося.

Меня и сына приписали
к числу бывалых рыбаков.
И только дома правду знали —
везло нам раньше на мальков.

1969

* * *

*Любите книгу — источник
знания...*

Максим Горький

Я с детских лет жил в мире книг —
волшебном царстве знаний.
Они — живительный родник
моих былых дерзаний.
Но в сорок первом зимним днем
не наш костер у дома
казнил поэзию огнем,
сжигая том за томом...
Над музою который год,
под стонущие звуки,
пришельцы из «страны господ»
всего лишь... грели руки.
С поэзией вели войну,
кощунствуя пред миром.
Стонала в огненном плену
и пушкинская лира.
Созвучье струн ее, звеня,
на волю с дымом вместе
в мгновенье ока из огня
взмывали в поднебесье.

А Пушкин, жертвой казни став,
непокоренным взором
с полуистлевшего листа
на мир смотрел с укором...

1969

ЗОВ МАЛОЙ РОДИНЫ

Служу в Марах. Кругом — пустыня.
Края родные далеко.
По ним унять печаль-кручину
под знойным солнцем нелегко.
В мечтах витаю в Подмоскovie
и вижу, будто наяву,
лесов зеленое раздолье,
в них слышу звонок: «Ау!..»
И как журчит ручей хрустальный
в тени сомкнувшихся ветвей,
и журавлиный клич прощальный,
застывший в памяти моей.
Восторженное чувство детства,
заката грусть — слились в одно
мне жизнью данное в наследство
нерасторжимое звено.
Я здесь, быть может, не напрасно
ищу поэзии ключи,
как свой костер рябины красной
в колючих зарослях арчи.

1969

ЗВЕНИГОРОД ВЕСЕННИЙ

Весна. Звенигород смеется.
Трель жаворонка, как ручей,
звонит, из поднебесья льется
в струистом воздухе полей.

Из прошлого набатом гулким,
как будто из глубин веков,
плывет волной до закоулков
прощальный звон колоколов.

Листва осин лопочет робко,
созвучно музыке лесной.
И тишина в полях широких
звонит чуть тронутой струной.

И если в хоре майских песен
стал голосам любви мир тесен,
то имя города уже
звонит восторженно в душе.

1970

АЙ, ЛЮЛИ!..

Поем о жизни: «Ай, люли!..»
Купил трудяга «Жигули»...
Давно ль такое было?
Давно ль в цене был честный труд,
где честь династий берегут?
Что разум нам затмило?

Опять поем мы: «Ай, люли!..»
Ты жизнь сегодня не хули.
Собрав по крохам грóши
(не дал копейки райсобес),
купила бабка «Мерседес»
совсем... почти хороший.

Поем сквозь слезы: «Ой, люли...»
Мы, что имели, погребли.
Быт бабкин изменился.
В мечтах лишь радость и покой,
а в жизни «сказочной» такой
ей «Мерседес» приснился.

Поем о жизни: «Ой, люли...»
Трудяга продал «Жигули».
И коль карман стал тощий —
потуже пояс затяни
и жизнь сегодня не кляни:
без «Жигулей» жить проще.

ТЕНЬ ВДОХНОВЕНИЯ

Летело мимо вдохновение
и робко, так несмело
в одно какое-то мгновение
крылом меня задело.

Слова на лист строфой искомой,
перу послушные, легли...
Увы!.. То вздох лишь был знакомый,
а муза тешилась вдали.

1995

* * *

Время смутное настало —
под орлом, орлом двуглавым
прожекторов всяких стало,
как опят на пне трухлявом.
Этой своре оголтелой
хоть на время, хоть немного
порулить страной хотелось
на ухабистой дороге.
Очень просто, в одночасье,
гробовые на сберкнижках
съели бывшие у власти
черти в розовых штанишках.
Лгали миру многократно.
Под личиной демократа
было лишь одно не лживым —
жажда власти и наживы.
...Время смутное настало.

1996

ТРИ КАШТАНА

Три каштана у дороги,
уходящей вдаль, —
безмолвные свидетели
моей утраты:
возле них
упала
на асфальт щербатый
боль души моей,
неизмеримая печаль.
Мимо вас не прохожу
окольной стороной,
делюсь
и болью, и печалью
только с вами.
Что был неласков,
запоздалыми словами
с грустью говорю «прости»
ушедшей в мир иной.

Жизнь — не вечность,
и я приду к тебе:
путь продолжим
вместе —
в *бесконечность*.

1997

СМЯТЕНИЕ

Голова-головушка моя,
бьются мысли спорные.
И куда ты рвешься, не таясь,
сердце непокорное?

Что ты ищешь там, на стороне?
Рвутся мысли смутные.
Птицей в клетке мечется во мне
сердце неприютное.

Как порывы сердца и ума
слить в струю единую?
Где найти и как ее поймать —
ту, неуловимую?

Голова-головушка моя,
думы неподъемные...
И куда ты рвешься, не таясь,
сердце неумное?!

1997

* * *

Живем с тобой мы в разных гнездах,
бездарно дни разлуки множим.
С надеждой светят наши звезды,
а свить одно гнездо не можем.
Уж отцвело невестой лето —
горят огнем рябины гроздьа...
А ты всегда, моя Джульетта,
ко мне приходишь, будто гостя.

1997

БАБЬЕ ЛЕТО

На душе спокойно и светло —
первые у осени приметы:
если солнце дарит нам тепло,
значит на пороге бабье лето.

Ночь ушла, а с ней ушла печаль.
День смеется с самого рассвета.
Солнечные блики, как хрусталь, —
жмурится от света бабье лето.

Занялись пожаром у плетня
горькие рябины алым цветом.
Разбудило всплесками огня
музу вновь вернувшееся лето.

В желтом фраке щеголяет клен,
на виду красуется у леса.
В сизой дымке тонет небосклон,
тонет лето в призрачной завесе.

Паутинки в небе серебрятся,
пропадая прямо налету,
на траву поблекшими ложатся.
Бабье лето ценит красоту —
с сединой торопится расстаться.

МОЯ ВЕСНА

Давно ли за узорчатым окном
дремали сосны в инее,
и строгое в безмолвии своем
там стыло небо синее.
Скупилося солнце весь короткий день
пригреть полянку белую,
на снег бросала верстовую тень
ель старая, замшелая.

Иное нынче за окном:
с утра смеется солнце весело
и щедро делится теплом.
В сережках ива приневожилась,
сквозь прошлогоднюю траву
проклюнулись ростки зеленые,
и не во сне, а наяву
воспряли чувства затаенные.

И я, наверное, шальной,
твержу: «Моя весна — Светлана».
Вдали я чуточку хмельной,
а рядом — и без хмеля пьяный.
Лишившись безнадежно сна,
любви порывам не перечу —
ко мне идет моя весна,
а сердце рвется к ней навстречу.

1997

ОСЕННИЙ ФРАГМЕНТ

Золотая осень — грусть моя.
Долго тают, угасая,
улетевшей в дальние края
клики журавлиной стаи.

А сегодня в ночь седой мороз
тихо чарами своими
снял наряды желтые с берез,
расстелив ковром под ними.

Отступил на запад мрак ночной,
за окном с утра веселье —
над домами ветер озорной
листья кружит каруселью.

То развеет их под облака
бесновато-дикой стаей,
то крылом к земле прижмет слегка,
на обочину сметая.

В завершающей своей поре,
все не убранные прежде
прибирает осень в ноябре
обветшалые одежды.

* * *

Диктовать что-либо я не вправе,
выбор остается за тобой...
Сжечь прошу мосты на переправе —
ты давно сошла на берег мой.

1997

КТО Я ЕСТЬ?..

Кто такой я в мире этом —
кто я есть на склоне лет?
В жизни быть мечтал поэтом,
да таланта явно нет.

Говорят, талант — от Бога.
Не тужу, коль не дано.
Бьюсь над рифмой и над слогом —
музе предан я давно.

Но я судьбой не обойден,
присягну́л, затем полжизни
под шелест боевых знамен
служил моей Отчизне.

Я по природе — славянин.
Мой род — источник силы.
Я Беларуси гражданин
и гражданин России.

А вообще, без лишних слов,
я — просто русский Иванов.

В ДЕНЬ ПОБЕДЫ

Я был опять сегодня на войне,
на той, далекой, — в сорок пятом...
Она из прошлого пришла ко мне
в шинели фронтовой солдата.

В руинах, в пепле вижу города,
а в селах — трубы-обелиски.
Бурьян в полях посеяла беда,
по свету разбросала близких.

Я помню те стальные рубежи,
когда у стен Берлина были.
Степенные солдатские мужи
от пуль меня собой закрыли.

Мы делали работу на войне
сверхтяжкую не за награды.
Ведь день и ночь все годы наравне
и жизнь, и смерть ходили рядом.

Награды — сколок славы с той войны,
но как такое стало с нами:
потомки ли, не ведая цены,
тайком торгуют орденами?!.

Я что — опять сегодня на войне,
но не такой, как в сорок пятом,
а тихой и губительной вдвойне,
когда святое все распято?

На площади Победы не во сне
стою, сомненьями объятый...
Я был опять сегодня на войне,
на той далекой — в сорок пятом...

ХОЛОДНЫЙ ВЕТЕР

Любовь к тебе я не скрываю.
Зачем свою ты гасишь?
Тебе я душу открываю,
как створки окон, — настезь.

Тревога и печаль слились в одно,
покоя нет на свете,
пока в мое открытое окно
холодный бьется ветер.

1998

С Н.К. РЕРИХОМ

Когда возникнет невзначай
размолвка между нами,
волной обида сгоряча
нам души затуманит,
не многословием речей,
не медом слов ничтожных
от плена разных мелочей
избавить душу можно,
прильнув к искусству Божества, —
любовь там без коварства
витает в мире волшебства
«Серебряного царства».

1998

ИСЦЕЛЯЮЩИЕ СЛЕЗЫ

Ты помнишь тихий летний вечер,
о чем шептали нам березы?
И горечь слов твоих при встрече,
и обжигающие слезы?

Делили горечь мы с тобой вдвоем
с открытым сердцем на ладони...
И был один лишь ветер за окном
тому свидетель посторонний.

Ты помнишь давнюю ту встречу,
о чем шептали нам березы,
что сберегли в тот дивный вечер
твои целительные слезы?

1998

* * *

И. С.

Дарю тебе мой скромный труд
ночных тревожных бдений,
как эхо сказочных минут,
как радость откровений.

1998

ГРЕЗЫ ДЕВИЧЬИ

Мама, мама,
не буди меня так рано.
Я поспать еще хочу:
в край неведомый, далекий
в сонных грезах улечу.

Там мой сокол кареокий
в замке сказочном живет.
Я же сердцем, мама, слышу:
он к себе меня зовет.

Мама, мама,
разбудила меня рано —
не пустила в замок тот.
Сон ушел, и мой желанный
там меня напрасно ждет.

Грезы девичьи ночные —
сны, слезой омытые,
в даль туманом улетели
на заре разбитые.

Мама, мама,
зачем ты разбудила рано?..

ФИЛОСОФИЯ ИСТИНЫ

— Бывает ли двоякой истина одна? —
возник вопрос, казалось бы, наивный. —
И будто бы определяется она
лишь только женщиной интуитивно.

Твердят мужи, что в спорах истину куют,
что правда нашей воле неподвластна.
Клянутся честью, слово верности дают
служить ей бескорыстно, беспристрастно.

Но если женщина бывает не права —
не спорят в суете с прекрасным полом.
Святая истина всегда, гласит молва,
стоит стеной за каждым женским словом.

На опыте мужском основана молва:
двойных в природе истин не бывает.
В семье, как правило, мужчина — голова,
но... шея головой повелевает.

ГОЛУБАЯ ЕЛЬ

На рукотворном берегу
Слепянки обновленной
грустят укрытые в снегу
березы рядом с кленом.

В поле ветер да метель...
Съежилась одна в сторонке
в Рождество рукой подонка
обезглавленная ель.

Стоит от глаз людских вдали
уныло, отрешенно,
прикрыв обрубок до земли
под шубкой распушенной.

В поле ветер да метель...
Стонет тихо, чуть живая,
тщетно к милости взывая,
обезглавленная ель.

1998

ЭПИГРАММА

Режиссер он — просто чудо.
Внешне — барственно-вальяжный,
тешит душу модной блажью:
«Отче наш» поет повсюду.
В жизни мерзкой — дальнотзорный,
весь — от пяток до бровей —
из породистых кровей.
Ну, а в сущности — шестерка.

1999

* * *

Скачут цены, будто блохи, —
здесь существенный подъем.
Коль подъем — и мы неплохо,
соответственно, живем.

А на рынке, в магазине —
цены злокусачие...
Одеваться стану ныне
только от Версаче я.

Хоть живу без премиальных
(статус мой — пенсионер),
получаю номинально...
Я ж теперь — миллионер!

1999

АЛЛЕГОРИЯ

Вал за валом гонит ураган,
бьют в скалистый берег волны.
День и ночь бушует океан,
тонут в бездне стрелы молний.

Глушат гневный рокот буйных волн
грозные раскаты грома.
Бьется в волнах, словно утлый челн,
лайнер, в никуда ведомый.

Голос корабельный замолчал —
мертво на борту «России».
Раньше он, как колокол звучал,
споря с рокотом стихии.

Гибель судна ближе с каждым днем
не по воле злого рока —
банда завладела кораблем:
сорван алый флаг с флагштока.

В порт какой, к чьим берегам ведет
кормчий с опытом ничтожным?
Что в краю чужом «Россию» ждет?..
Сердцу больно и тревожно.

В ТАТЬЯНИН ДЕНЬ...

Т.Т.

Опять грызешь гранит науки.
В минуты полуночных бдений
познала творческие муки
и радость новых озарений.
Мы шлем студентке неумной
слова сердечных поздравлений.
Пусть будет гранью переломной
в злой веренице приключений
день именин твоих, Татьяна.
Достоинств у тебя довольно,
от дружеских речей застольных
в день именин не станешь пьяной.

1999

НАВАЖДЕНИЕ

Куда сбежала зимушка-зима
с сугробами, метелями?
Незванная гостит у нас сама
весна уже неделями.

Исчез все обжигающий мороз.
За тучей — небо синее.
Пропал наряд серебряный с берез —
пушисто-мягкий иней.

В природе нынче наваждение,
и что могло бы это значить?
Такое редкое явление,
когда январь дождями плачет.

1999

К ТЕБЕ...

Пришла зима с обильным снегом,
в красе иссиня-белая.
Везде завалы от набегов,
да что ж она наделала!

Днем в поле разгулялась вьюга,
тропинку снегом замела.
Приду к тебе, моя подруга,
какой бы вьюга ни была.

Я проторю тропинку к дому,
увидю свет в твоём окне
и блеск в глазах — давно знакомый,
такой лукавый, милый мне.

Суетно мечутся снежинки —
фата невесты белая...
К тебе опять торю тропинку,
чтобы зима ни делала!

ОДИНОЧЕСТВО

Днем осенним дома неуютно
с думой грустной быть наедине.
Поддалась я слабости минутной —
ревность бурей вспыхнула во мне.

Горести обрушились лавиной:
чувства страстные кипят в крови,
нет того спасительного клина
выбить клин мучительной любви.

Дни текут медлительно и вяло.
Нет плеча родного рядом.
От любви такой давно устала,
а другой...

С другим...

Не надо.

1999

ЛЕТНЯЯ НОЧЬ

День закончил
путь свой длинный.
Заревой погас экран.
По оврагам, луговинам
сизый стелется туман.

Ночь в права
вступила поздно.
До рассвета ждать... чуть-чуть.
В бездне неба блещут звезды
и пылится Млечный путь.

Над землей
висит картина:
месяц медленно ведет,
запрокинув рог за спину,
звездный в небе хоровод.

Сном объаты
гладь речная,
темный лес, росистый луг..
Спит село лесного края —
тишина царит вокруг.

Дважды тявкнула
собака
на окраине села —
тишину ночного мрака
на мгновенье прервала.

Легкий ветер
еле веет
по краям лесных полос.
Он ласкает и лелеет
кудри дремлющих берез.

Дуновение
земное
к нам не вихри принесли,
то — дыхание ночное
отдыхающей Земли.

1999

КТО ВИНОВАТ?..

Сев, как обычно, снова
на «белого коня»,
муж говорил сурово,
жену свою браня:

— Ну, не везет мне вечно...
Такие вот дела.
Я виноват, конечно,
но ты-то где была?!

1999

РОДИНА

В Москву я через рубежи
пронес цветы из Минска
и с ними сердце положил
к подножью обелиска.
Душа моя надежд полна —
я верю в разум здравый,
что снова обретет страна
величие державы.
Мне ближе этой нет земли.
Иду ли перелеском,
где раньше рожь да лен цвели,
иль в пуще Беловежской,
где сговор совершен в глуши,
я верю — неизбежно
падут условные межи
родного зарубежья.
От стен московского Кремля
до Бреста — кто не знает! —
езде славянская земля,
езде земля родная.
И там, и здесь она мне — мать.
Со всей сыновней силой
Русь Белую хочу обнять,
обнять хочу Россию.
Хочу, чтоб клич дошел до вас:
— Славяне! Берегите
всеобщие, извечно нас
связующие нити!

ПОСВЯЩЕНИЕ

Нелли Дуцинской

Романса власти отдана,
сродни фигурой гибкой иве,
из песни выросла она —
в ней пело все в одном порыве:
углом изогнутая бровь —
крыло стрижиное в полете,
узоры песни ткали вновь
лебяжьи две руки на взлете.
Чарующие красотой
летели звуки к сводам зала,
мольба цыганки молодой
невольно сердце волновала.
Среди обычной суеты
волшебный голос соловьиный
будил заветные мечты
далекой юности наивной...

2000

* * *

Кумир мой — Лермонтов мятежный,
неугасимая звезда,
то негодующий, то нежный,
то благодушный... иногда.

Клеймя «немытую Россию»,
он с честью истине служил.
Не изгибаясь в позе льстивой,
святую Русь боготворил.

И бичевал пороки «света»
оружием отнюдь не новым —
неотразимым острым словом,
карающим мечом поэта.

Писал о подлой рабской жизни.
И в каждой строчке, в каждом слове —
бунтующая капля крови,
в ней — боль униженной Отчизны.

Царизму неугодный гений,
так и не ставший на колени,
он был в изгнании убит...

Убит поэт. Горит зажженный
огонь души непокоренной,
звезда нетленная горит.

2000

* * *

Ушли витии
с праведной стези,
воспряли низменные нравы.
В свободной прессе стало правом
то ложно славить, то марать в грязи.

И в храме правовом
политартист
кулачные внедряет нравы:
герой скандально-ложной славы
один из всех — потомственный юрист.

По горло
наглотался человек
«цивилизованной» отравы,
и обреченно грязной славы
несет он бремя
в двадцать первый век.

2000

НОВАЯ КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Спи, малыш капризный,
я тебе спою
о грядущем в жизни,
баюшки-баю...

Долго песни пели
наши господа —
лучшего хотели,
стало, как всегда.

Обманули, Ваня,
смяли жизнь твою
те большие няни,
баюшки-баю...

Видно, Бог поможет.
Что же ты не спишь,
что тебя тревожит,
маленький глупыш?

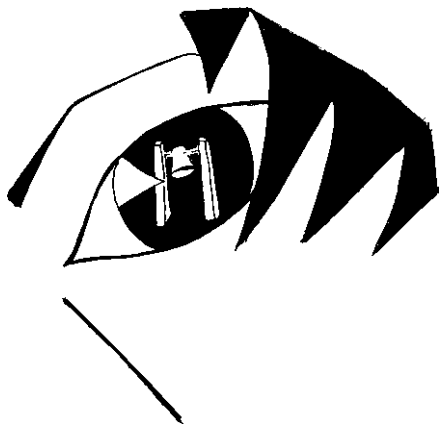
Станешь «новым» русским,
будешь жить в раю.
Будет мир твой узким,
баюшки-баю...

Будешь жить с оглядкой —
правды не таю.
Спи, малыш мой сладкий,
баюшки-баю...

Верю я, мой нежный,
после долгих лет,
после тьмы кромешной
засияет свет.

Брезжит луч туманный —
я о нем спою...
Спи, родной, желанный,
баюшки-баю...

2000

* * *

Не верьте
никому, кто говорит,
историю веков листая,
что с нами Пушкина не стало
с тех пор, как он Дантесом был убит.

Не смолкла
лира русского творца.
Звучит, забвенью не подвластна,
все так же вдохновенно, страстно
чарующая музыка певца.

И чистый образ
Тани не поблек
в наш век свободных, легких нравов
среди изысканной отравы,
что мог придумать только человек.

Не верьте,
что убит поэт —
словесности российской знамя.
Незримый, в суете сует
он в нас живет... Он вечно с нами!

2000

* * *

Ждать дальше нечего...
Будь проклята война.
Всех искалечила
по-разному она.
Потерян отчий кров,
разрушена семья —
основа всех основ...

И в том ни ты, ни я —
никто не виноват.
Нам вместе быть больней,
и нет пути назад...
Бреду тропой одна —
чашу любви своей
я выпила до дна.

2000

* * *

И. С.

Я помню дни чернее ночи.
Душа в смятении была,
разорванная болью в клочья...
Но время — лекарь, ожила.
Зажглось, как несказанный свет,
и засияло между нами
любви немеркнувшее пламя —
и нет уже преклонных лет!
Чту душу чуткую твою
и нежность пью с ладони узкой...
Тебе я сердце отдаю,
моей Мадонне белорусской.

2000

ГИМН ОЛИГАРХА

Я — соль земли, ее элита,
все прочие — всего лишь свита:
удельные князья без трона,
лакеи своего патрона.

Все — деньги. Деньги, господа.
Я в Думу избран, как всегда.
Кто на дороге стать посмел —
согну в дугу, пушу в отстрел.

Для дела стану я алтайцем,
черкесом, чукчей иль нанайцем,
лишь был бы там народ сермяжный,
где сам живу — не так уж важно.

Все — деньги. Деньги, господа.
Я в Думу избран, как всегда.
Кто на дороге стать посмел —
согну в дугу, пушу в отстрел.

Мне в Думе власть необходима.
В «законе» я неуловимый.
А если должность будет выше —
надежней в жизни станет крыша.

Все — деньги. Деньги, господа.
Я в Думу избран, как всегда.
Кто на дороге стать посмел —
согну в дугу, пушу в отстрел.

БЕСЫ

Поднялась пурга. Завьюжило.
Дико воет ветер в поле,
вьется снег метельным кружевом —
бесы вырвались на волю.

Уйма бесов в этом кружеве,
бесы в сполохе вопили,
ложью многих усыпили —
и теперь их губят стужею.

Нет тепла и света — хо-о-лодно!
Нет работы, хлеба — го-о-лодно!
Лишены счастливой доли —
бесы правят бал на воле.

2000

* * *

Вздохи и томление,
невинный лепет.
Рук прикосновение,
взаимный трепет...

Чувств волнующий венец.
И ласки, ласки...
Песня страсти двух сердец.
Ночные маски...

Танец увлекающий...
И пик вокала —
душу потрясающий
восторг финала.

2000

ЛОГОЙСКИЕ ПЕЙЗАЖИ

Зеленый край, зеленый свет,
край серебристых росных слез,
где шелест ласковый берез
врачуе душу от сует.

Люблю логойские холмы,
лесов нетронутый убор
и в дымке утренней из тьмы
чуть голубеющий простор.

Смотрю, как трепетно горит
на спящем краешке земли
все возрастающий вдали
свет алый утренней зари.

И блеск чарующий, когда
в вечерний час с небес при мне
стрелой упавшая звезда
горит в озерной глубине.

Запало в память навсегда:
вещунья в звонкой тишине
столь щедро отмеряла мне
совсем не лишние года.

Смежаю веки, а кругом —
природа майская опять.
Она — второй мой отчий дом,
она — не мачеха, а мать.

КУМИРУ

Со сценой расставаться больно.
Увы! Всею свой час земной...
И миллионы роз привольно
один раз в год цветут весной.

Как ныне, будешь ты любимой —
останься примадонной той,
какой была, неповторимой...
Упавшим голосом не пой.

Обласканная жизни негой,
останься в памяти звездой,
легендой нынешнего века...
Уставшим голосом не пой.

2000

* * *

Половодьем разлилась кругом
мая утренняя свежесть.
Обласкала яблони теплом
бледно-розовая нежность.

Но негаданно бывает:
холодомдохнет под утро ночь,
и, не в силах стужу превозмочь,
нежность с яблонь опадает.

Ты весну вернуться не зови.
Сникнув под холодным взглядом,
канут в бездну лепестки любви,
коль тебя не будет рядом.

2001

ПЕРВОАПРЕЛЬСКИЕ ШУТКИ

Вдоль садового забора
в парниках, как в волшебстве,
зреют гроздья помидоров
на картофельной ботве.
Торопитесь — те же клубни
у охраны на виду
продают подпольно в будни
в ботаническом саду.
И сенсация опять:
на болотах без охраны
скоро все мы будем рвать
тростниковые бананы!..

Сверхдоверчивые души —
даже в этот день спешим
попросту подставить уши
для развесистой лапши.

1. 04. 2001

ЛИТКОНСУЛЬТАНТУ

А. М.

В пути нелегких лет
Вы в буреломе строф
своих учеников,
разыскивая след
ошибочной строки,
отнюдь не горячась,
поэзии ростки
не рубите сплеча.
У Вас подход один
и к творчеству ребят,
и к неумным, но...
дожившим до седин,
кому за шестьдесят
отстукало давно.

Прозаик и поэт,
модерну вопреки,
разыскивая след
растаявшей строки
иль старый перепев,
проникший в новый стих, —
Вы верите в успех
учеников своих!

12. 04. 2001

* * *

Струны рви, гитара,
жми меха, гармонь!
На площадке пара —
ветер и огонь,
как степной пожар,
в вихре танца кружат —
это сердца жар
вырвался наружу.
И душа на воле
птицей ожила.
Мастерству раздолье —
танца кружева
порознь каждый вяжет.
Это предков зов —
удаль свою кажет
молодая кровь.
Ритмы бьет гитара,
вторит ей гармонь,
вихрем кружит пара —
ветер и огонь.

05. 2001

* * *

Еще не ведает сама —
в ее душе иллюзий тьма, —
кому в свои семнадцать лет
открыто-искренне в ответ
поэзией (не прозой)
омытый в утренней росе
раскроется во всей красе
бутон прекрасной розы?

05. 2001

СВЕТЛАНА

На счастье имя это —
как трепетный огонь свечи,
как светлячок живой в ночи,
искрится теплым светом.

05. 2001

* * *

Семейное гнездо — священный храм,
дающий радость бытия,
но нет гнезда семейного без драм —
у каждого стезя своя.

Слепить шалаш сумеет и дурак..
Жениться, нарожать детей, но как
в согласии прожить, вкушая
все прелести земного рая?

Впервые обольщенный Евой,
Адам рецептов не оставил нам.
Плод надкусив запретный с древа,
сам заложил начало этих драм.

05. 2001

* * *

Память в прошлое вернулась.
Мысли бродят далеко.
В закоулках сердца юность
притаилась глубоко.

Знал одни тогда каноны —
это ль младости грехи?
Книга мне была иконой,
а молитвами — стихи.

Юность птицею летела —
и все мимо, стороной...
В одночасье поседела
опаленная войной.

Вот и кличет в край желанный
память милой старины,
где звучит аккорд баянный
всплеском радужной волны.

07. 2001

* * *

У нас порой невольно
тоска становится сильней,
щемящая до боли,
по малой родине своей.
И снятся нам: дом отчий,
благословенная земля,
березовые рощи
и васильковые поля.

От прошлого наследство —
любви бесценное зерно,
посеянное в детство, —
растить не каждому дано.
Беречь любовь и холить, —
где сердце слепо и сполна
уму диктует волю, —
способна женщина одна.

Им пел хвалу. И снова
с любовью буду повторять
два дорогих нам слова,
два слова: Родина и Мать.

2001

* * *

Вьюги и метели в крае
веять перестали.
Грач шагами измеряет
ширину проталин.

Снизу рыхлый снег подточен
вешними ручьями.
И звенит, бурлит, бормочет
дивное журчанье.

После тихой ночи лунной
на заре не спится.
За окном на солнца струнах
тренькают синицы.

2001

БРАТСКАЯ МОГИЛА

Голубеет купол неба.
Вербы рано зацвели.
Обнажились из-под снега
шрамы раненой земли.

Вдоль глухой опушки леса
извивается змеей
под березовым навесом
след траншеи фронтовой.

В сорок первом это было...
Дожила до наших дней
безымянная могила
в битве павших сыновей.

Перед нами — та же местность,
светит солнце, как тогда,
только подвиг в неизвестность
смыла вешняя вода.

Кто остался здесь и сколько?
Звезды тайну стерегут...
По стволу березы горько
слезы ржавые текут.

2001

* * *

Скажи это цветами...

Патрик О`Киф

Огнем пурпурным пламеня,
к себе притягивая взгляд,
цветы в стеклянной галерее
безмолвно с нами говорят.

Головкой алой чуть кивая,
укрыв коварные шипы,
лукаво смотрит из толпы
краса, пленительно живая.

В соцветье красок молчаливом
слова волшебные лови —
язык цветов красноречивый,
как песня сердца о любви.

2001

О ВРЕМЕНА, О ПРАВЫ! *

Давно уже не ради славы
властители «высоких дум»
с экранов в душу льют отраву,
ломаю хрупкий детский ум.
Девчонки быстро повзрослели,
в ином ученье видят свет:
проходят школу на панели
в свои всего пятнадцать лет.
Сама ребенок — стала мамой.
И поприще ее — бульвар,
торговля, броская реклама:
от ног до головы — товар.
Заложники теледурмана —
неужто новые пуганы
на пару лет моложе станут
на голубой игле экрана?

2001

* Цицерон.

* * *

В серой сумеречной жизни
детство — розовый рассвет.
Что там взрослых укоризны,
коль забот житейских нет!

Волновали ум былые
романтизма времена,
как волнует нас впервые
чарка доброго вина.

Звали горы в край воспетый:
на вершинах вечный снег,
дух мятежного поэта,
буйный Терек и Казбек.

Мои грезы — детства дым
из костра былых мечтаний...
Пусть всю жизнь в огне горим,
но мечтать не перестанем.

07. 2001

* * *

Угас последний луч зари.
Густеет темень.
Не слышно гама детворы.
Мелькают тени.
И первая звезда горит..
А за рекой среди ветвей
прибрежной ивы
неугомонный соловей
неторопливо
пел песню юности моей.
Вновь чувства прежние зажглись,
мечты воскресли..
Но смолк певец, и унеслись
мечты и песня,
как дым в заоблачную высь.

2001

* * *

Железные
у власти леди —
как символ
мировых трагедий.
Мир на Земле
пустили под откос:
не голубь, ласково воркуя,
ветвь,
будто бы оливковую, нес
народам
в ястребином клюве.
Металла в странах
вдоволь всякого...
Неужто время не настало
рождать политиков
из мягкого
и благородного металла?

08. 2001

* * *

И. С.

Пусть дождь шумит в начале дня
и небо хмурит брови...
Встречает Солнышко меня,
лишь я глаза открою.

И чувств в неволе не тая,
оно без слов сказало
о песне сердца-соловья
лучистыми глазами.

Пусть светят мне в тумане дня,
во тьме осенней ночи
все те же, полные огня,
сияющие очи.

08. 2001

К РОССИЯНАМ

1

Взгляните! Что в краю родном
осталось у народа?
«Демократическим» клеймом
замарана свобода.
Власть облепили шулера,
как мед пчелиный осы,
идет картежная игра
у судей перед носом.
Пришли иные времена —
хоть плачь, хоть улыбайся:
на кон поставлена страна
и... фантики Чубайса.

08. 2001

2

Как только с поля сходит снег —
крестьянский род первоначальный,
растивший хлеб из века в век,
глядит в грядущее с печалью.
Стал частым гостем недород:
угодья щедрые, похоже,
сужаются из года в год,
будто шагренева кожа.
В низине пусто, как на взгорье, —
кругом репей да лебеда...
А в закромах — полыни горечь
и беспросветная нужда.

05. 2001

ИВА ПЛАКУЧАЯ

Не проходите мимо —
на миг остановите взгляд
перед картиной дивной:
в ручей струится водопад
ветвей плакучей ивы...
Бродяга — вольный ветер
среди замшелых скал
красавицу заметил
и косы пышные ласкал
один на этом свете...
За что вчера ее красу
он в гневе бил об сосны,
безжалостно трепал всю
взломаченные космы?
Какую усмотрел вину,
что так мытарил иву,
как у любви слепой в плену
колотит муж ревнивый
свою неверную жену?
Умчался бес игривый,
и стала верная — ничьей...
С ветвей поникшей ивы
лишь слезы капаят в ручей.

09. 2001

ПРАВЫ...

1

Задремала пуща.
Ночь темным-темна.
За лохматой тучей
спряталась луна.

Лес во мгле пропал —
и совсем неожиданно
уплыла тропа
в пелену тумана.

Но не стежка в поле,
около села,
в райскую неволю
молодца вела.

Сердца юный пыл,
чувствами томимый,
властно торопил
на свиданье с милой.

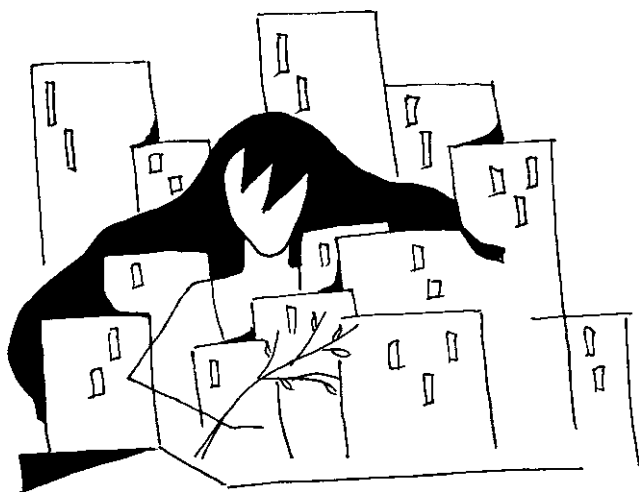
2

То ли дело ныне:
чести непорочной
нет давно в помине,
нет устоев прочных.
Похоть-сводня враз
сбросила одежды,
походя, сейчас

незнакомых прежде
вечером света,
утром — влево-вправо —
порознь развела...

Проще стали нравы —
вот и все дела.

10. 2001

* * *

Красоте, когда за сорок,
осень ранняя под стать:
знак один у них бесспорный —
увядания печать.

А на грани увяданья
пляшет зарево огня.
Скоро время расставанья,
близок финиш красок дня.

Отгрустило бабье лето.
Веет холодом с небес.
Переполнен синим светом
облысевший за ночь лес.

10. 2001

* * *

Муки творчества — не праздность.
Мысли спорные текут.
Головная боль и радость —
шлифовать пером строку.

Вышел в полночь. За порогом
звонкий холод ноября.
Дразнит месяц златорогий
россыпь звезд из серебра.

Ветер легким дуновеньем
скинул головную боль...
Я просил дать вдохновенье,
он вздохнул в ответ: «Уволь!..»

10. 2001

* * *

На родной сторонушке
старая головушка,
седой увитая,
ныне под заборами
на троих пропитая.

Место обитания —
вечные скитания:
летом — в парках бегают,
по подвалам — осенью;
где зимой — Бог ведает.

Тени бессловесные,
миру неизвестные —
времени явление.
Чувства сострадания,
даже — сожаления,
против ожидания
преданы забвению.

12. 2001

ВЕРЮ...

Весь свой край исколесив,
скачут к нам из-за кордона,
одолев в пути препоны,
скачут из последних сил
битюги стальные родом
из октановых кровей:
в каждом стонет под капотом
сотня загнанных коней.
Сколько их, где только можно,
табунится во дворах!
Сколько сдохших — в придорожных
буераках и кустах...
Грустью песенной, нездешней
веет из ушедших дней:
не гони, ямщик, поспешно
захудалых лошадей.

Верю: у крыльца родного
будем на рассвете дня
своего седлать стального
белорусского коня.

12. 2001

Содержание

<i>РЫБАЛКА</i>	4
<i>* * * Я с детских лет...</i>	5
<i>ЗОВ МАЛОЙ РОДИНЫ</i>	6
<i>АЙ, ЛЮЛИ!</i>	8
<i>ТЕНЬ ВДОХНОВЕНИЯ</i>	9
<i>* * * Время смутное настало...</i>	10
<i>ТРИ КАШТАНА</i>	11
<i>СМЯТЕНИЕ</i>	12
<i>* * * Живем с тобой мы в разных гнездах...</i>	13
<i>БАБЬЕ ЛЕТО</i>	14
<i>МОЯ ВЕСНА</i>	15
<i>ОСЕННИЙ ФРАГМЕНТ</i>	16
<i>* * * Диктовать что-либо я не вправе...</i>	17
<i>КТО Я ЕСТЬ?..</i>	18
<i>В ДЕНЬ ПОБЕДЫ</i>	19
<i>ХОЛОДНЫЙ ВЕТЕР</i>	20
<i>С Н.К. РЕРИХОМ</i>	21
<i>ПАМЯТЬ</i>	22
<i>ИСЦЕЛЯЮЩИЕ СЛЕЗЫ</i>	23
<i>* * * Дарю тебе мой скромный труд...</i>	24
<i>ГРЕЗЫ ДЕВИЧЬИ</i>	25
<i>ФИЛОСОФИЯ ИСТИНЫ</i>	26
<i>ГОЛУБАЯ ЕЛЬ</i>	27
<i>ЭПИГРАММА</i>	28
<i>* * * Скачут цены, будто блохи...</i>	29
<i>АЛЛЕГОРИЯ</i>	30

<i>В ТАТЬЯНИН ДЕНЬ</i>	31
<i>НАВАЖДЕНИЕ</i>	32
<i>К ТЕБЕ</i>	33
<i>ОДИНОЧЕСТВО</i>	34
<i>ЛЕТНЯЯ НОЧЬ</i>	35
<i>КТО ВИНОВАТ?</i>	37
<i>РОДИНА</i>	38
<i>ПОСВЯЩЕНИЕ</i>	39
* * * <i>Кумир мой — Лермонтов</i>	40
* * * <i>Ушли витии</i>	41
<i>НОВАЯ КОЛЫБЕЛЬНАЯ</i>	42
* * * <i>Не верьте</i>	44
* * * <i>Ждать дальше нечего</i>	45
* * * <i>Я помню дни чернее ночи</i>	46
<i>ГИМН ОЛИГАРХА</i>	47
<i>БЕСЫ</i>	48
* * * <i>Вздохи и томление</i>	49
<i>ЛОГОЙСКИЕ ПЕЙЗАЖИ</i>	50
<i>КУМИРУ</i>	51
* * * <i>Половодьем разлилась кругом</i>	52
<i>ПЕРВОАПРЕЛЬСКИЕ ШУТКИ</i>	53
<i>ЛИТКОНСУЛЬТАНТУ</i>	54
* * * <i>Струны рви, гитара</i>	55
* * * <i>Еще не ведает сама</i>	56
<i>СВЕТЛАНА</i>	57
* * * <i>Семейное гнездо</i>	58
* * * <i>Память в прошлое вернулась</i>	59

* * * У нас порой невольно...	60
* * * Вьюги и метели в крае...	61
<i>БРАТСКАЯ МОГИЛА</i>	62
* * * Огнем пурпурным пламеня...	63
<i>О ВРЕМЕНА, О НРАВЫ!</i> *	64
* * * В серой сумеречной жизни...	65
* * * Угас последний луч зари...	66
* * * Железные у власти леди...	67
* * * Пусть дождь шумит в начале дня...	68
<i>К РОССИЯНАМ</i>	69
<i>ИВА ПЛАКУЧАЯ</i>	70
<i>НРАВЫ</i>	71
* * * Красоте, когда за сорок...	73
* * * Муки творчества — не праздность...	74
* * * На родной сторонушке...	75
<i>ВЕРЮ</i>	76

Литературно-художественное издание

Иванов Николай Владимирович

Откровение

Стихи

Ответственный за выпуск *А. Аношко*

Редактор *А. Масаренко*

Корректоры *Н. Дорофейчик, С. Иваницкая*

Компьютерный набор и верстка *Д. Андреев*

Художник *Ю. Шабуня*